МДІО
997

МД 10
937

Лекція проф. Д. П. Джуровича.

Нѣмцы и Славяне.

ИЗДАНІЕ

Ф. А. Конаржевскаго.

МИНСКЪ.
Электро-Типографія С. А. Некрасова.
1916.

МД10 997

Нѣмцы и славяне.

Настоящая борьба славянства съ германцами, поднявшими еще и зеленое знамя пророка Магомета, рѣшаетъ тяжкій, давній споръ,—споръ свободнаго духа съ тѣмъ, кто „человѣкоубійца бѣ искони".

И мы счастливы, что этотъ нашъ споръ съ германцами получилъ общечеловѣческое значеніе: съ нами вѣдь бокъ о бокъ сражаются три западныхъ державы.

Долгій и трудный путь прошли славянскіе народы, пока не обрѣли образа Божія въ лицѣ Россіи, которой волей судебъ навязывается освободительная миссія.

Съ тѣхъ поръ какъ каждый изъ славянскихъ народовъ обнаружилъ свои особенныя нравственныя и физическія свойства, они шли разными путями въ своей особенной жизни, каждый изъ нихъ развивалъ свою личность. ти нѣкоторыхъ изъ нихъ не разъ перекрещивались. дъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ и зловѣщихъ повѣдниковъ они не разъ поднимали мечъ другъ на га и каплями братской крови орошали золотыя нивы и еные луга своей родины.

Черныя тучи весьма часто скрывали отъ нихъ лучное небо, а коварный сосѣдъ разъединялъ ихъ и долго позволялъ имъ стать личностью въ общественной жизни ропы.

Не даромъ народъ говоритъ: „Не купи домъ, а купи сѣда".

Славянскимъ сосѣдомъ былъ издавна хищный нѣцъ, единственнымъ кумиромъ котораго является „золотой лецъ".

Христіанство при самомъ появленіи среди германскаго ра столкнулось съ духовной природой корыстолюбиваго мца, не знающаго и не понимающаго другой связи между людьми, кромѣ связи общаго матеріальнаго интереса.—Онъ и есть тотъ Вагнеровскій Фафнеръ, который, будучи увлеченъ алчностью, утрачиваетъ человѣческій обликъ и становится огнедышащимъ дракономъ, удалившихся въ пещеру зависти, гдѣ онъ—счастливый обладатель кольца—стережетъ свою добычу и пожираетъ всякаго приближающагося къ его жилищу.—Порабощенный злой

539/2

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

932722

страстью алчности, и попавши въ семью христіянскихъ народовъ не по убѣжденію, а съ намѣреніемъ лукаваго Іуды, коварный тевтонъ сразу съ того времени, когда сталъ нашимъ сосѣдомъ, началъ пользоваться великодушіемъ и миролюбивымъ настроеніемъ славянина.

И такъ какъ алчная любовь къ деньгамъ и борьба со всѣмъ нѣмецкимъ дѣлаются единственными двигателями его жизни, то для исполненія своего коварнаго замысла—порабощенія славянства, нѣмецъ не брезгаетъ средствами: гдѣ можетъ взять силой, туда онъ снаряжаетъ своего латника, „съ высокимъ шлемомъ на головѣ, закованнаго въ броню, верхомъ", а за нимъ идетъ неизмѣнно нѣмецъ колонистъ, несущій за собою нѣмецкій языкъ, нѣмецкіе порядки и нѣмецкую желѣзную культуру; а гдѣ не помогаетъ грубая сила,—тамъ нѣмецъ употребляетъ хитрость, воруетъ чужое и стравливаетъ сосѣднія племена другъ съ другомъ.

Въ головахъ нѣмцевъ взлелѣяна идея о всенѣмецкой цѣльности—идея пангерманизма, а потому все не нѣмецкое „стиралось, исчезало и тонуло въ нѣмецкомъ приливѣ". Грубая сила и нравственная неразборчивость были всегда ихъ орудіями.

Исторія сохранила намъ немало чудовищныхъ случаевъ отравленій при совершеніи таинства Святого причащенія: нѣмцы клали ядъ и въ чашу со святыми дарами и въ облатку.

Свою мечту о покореніи славянства—идею пангерманизма онъ осуществляль двумя способами: дикими походами, набѣгами и безсовѣстнымъ обманомъ.

Такъ какъ славянство уже на зарѣ своей исторіи пошло по раздѣльнымъ историческимъ дорогамъ, заведшимъ славянскія народности далеко другъ отъ друга, то хищный нѣмецъ не преминулъ воспользоваться славянской разрозненностью и пустить въ ходъ прежде всего свою грубую силу.

Устремивъ свой алчный взоръ на необъятный и малозаселенный славянскій востокъ, отличающійся своими природными богатствами, нѣмецъ уже съ эпохи Карла Великаго начинаетъ воздвигать пограничныя укрѣпленія по лѣвому берегу Лабы; а затѣмъ, постепенно, шагъ за шагомъ

—нѣмецкій латникъ выдвигаетъ свои форпосты въ глубь славянскихъ земель. И уже въ началѣ XI вѣка подъ ударами нѣмецкаго латника и колониста пали лужицкіе сербы въ Саксоніи и Бранденбургѣ. Отсюда постепенно шло завоеваніе небольшихъ славянскихъ народцевъ, жившихъ между нижними теченіями Лабы и Вислы и по южному побережью Балтійскаго моря.

Къ XII вѣку нѣмецъ устремляетъ свой взоръ на русскую равнину. И, когда на Русь нападали татары, нѣмецъ сдѣлался настолько наглымъ, что съ крикомъ: „Укоримъ словенскій языкъ! сотворимъ въ работу къ себѣ люди словенскіе"! бросается на новгородскихъ славянъ.
Однако, славныя побѣды Александра Невскаго заставили хищника прекратить свои варварскія полчища противъ чеховъ, стоявшихъ на передовыхъ позиціяхъ западнаго словянства.

И тамъ, гдѣ раздавалась чешская народная пѣсня:

Намъ не слѣдъ искать у нѣмцевъ правды,
По святымъ у насъ законамъ правда;
Принесли ту правду наши предки
Черезъ три рѣки на эту землю" *)—

тамъ насильственно водворилась „нѣмецкая правда", лишившая Чехію правъ и независимости и присоединившая ее въ 1620 г. къ Австрійской монархіи.

Съ этого времени нѣмецъ въ борьбѣ со славянствомъ исключительно пользуется пріемами Іуды предателя. Такъ, послѣ пораженія турокъ подъ стѣнами Вѣны нѣмецъ рѣшилъ съ помощью славянъ осуществить „Drang nach Osten".

Леопольдъ I, получивъ денежную помощь отъ христіанской Европы и заключивъ союзъ съ Россіей и Венеціанской республикой, началъ войну съ Турціей.

Надѣвъ маску защитника христіанъ на балканскомъ полуостровѣ, онъ обратился къ сербамъ съ воззваніемъ возстать противъ турокъ, причемъ онъ обѣщалъ имъ полную свободу вѣроисповѣданія, языка, право на выборъ воеводы и освобожденія отъ подати.

Сербы повѣрили „христіанскому" императору и поступили въ ряды австрійскаго войска. Но Леопольдъ потер-

* Пѣсня о Забоѣ и Славоѣ Краледворск. рукопись. 1818.

пѣлъ пораженіе, и сербы опять стали испытывать удары турокъ.

Тогда нѣмецъ, желая заселить опасную южную границу своего государства воинственнымъ и закаленнымъ въ борьбѣ съ турками славянскимъ племенемъ, обѣщалъ сербамъ автономію, если они покинутъ свою родину и поселятся въ южной Австріи. — И 100.000 сербовъ во главѣ съ патріархомъ Арсеніемъ III Чарноевичемъ и монархами переселились въ Австрію.

Пока нѣмцу сербы нужны были, какъ защита отъ турокъ, императорскій указъ 1690 г., которымъ установлены права и обязанности сербскаго народа въ Австрійской монархіи, имѣлъ нѣкоторое значеніе. Но, какъ только миновала турецкая опасность, нѣмецъ сталъ притѣснять сербовъ, какъ и остальныхъ подвластныхъ ему славянъ.

Потерпѣвъ неудачу „Drang nach Osten“ черезъ Балканы, нѣмецъ начинаетъ усиленно напирать на Польшу и съ жадностью смотрѣть на русскую равнину.

Онъ создаетъ коварные планы порабощенія польскаго народа и мирнаго завоеванія Россіи.

Послѣ смерти Петра Великаго нѣмецъ изъ Пруссіи и Митавы въ качествѣ культуртрегера играетъ въ Россіи роль администратора, педагога, политика, стратега, торговопромышленника и землевладѣльца. И какъ таковой, онъ создаетъ нѣмецкіе форты въ Россіи.

Кому неизвѣстно, какъ нѣмецкая академія въ Россіи усердно преслѣдовала русскихъ ученыхъ, начиная съ Ломоносова и кончая Менделѣевымъ.

Вспомнимъ жестокую Бироновщину, когда по выраженію Майкова, „корону Мономаха Курляндскій конюхъ примѣрялъ“. Даже лучшая изъ нѣмцевъ Екатерина Ангальтъ-Цербетская принцесса, такъ тонко, какъ говоритъ Апухтинъ, игравшая роль русской, не могла не быть нѣмкой. Она вѣдь населила Приволжье и Херсонъ нѣмцами колонистами, а свободныхъ малороссовъ прикрѣпила къ землѣ.

Чисто нѣмецкое капральство выдвинуло Аракчеева, создало жестокій полицейско - бюрократическій режимъ, убивавшій свободный полетъ русскаго національнаго генія.

Высокомѣрные, наглые и жестокіе нѣмцы, ѣвшіе русскій хлѣбъ, пытались отдѣлить русскую интеллигенцію отъ

народа путемъ воспитанія русскаго юношества въ духѣ превращенія ненависти ко всему русскому и словянскому.

Къ сожалѣнію, среди „газетной интеллигенціи“ и чиновниковъ они немало отыскали прихлебателей. Господи, какая армія культуртрегеровъ жила и живетъ еще на верхахъ русской администраціи и интеллигенціи! Всѣ эти русскіе фоны съ концами—ау‘ утъ, берг, ены, иксы, еры и т. д.

Такимъ образомъ, средневѣковый нѣмецкій латникъ явился въ Россію безъ шлема и желѣзной брони, но подъ видомъ культуры и прогресса онъ принесъ съ собой предательство и шпіонство.

Явившись въ Россіи въ свитѣ прогресса внѣшней культуры, нѣмецъ постепенно осуществлялъ свою завѣтную мечту.

Сперва онъ добился раздѣла Польши, а затѣмъ, будучи нѣмецкимъ политикомъ на русской службѣ, изъ славянскихъ народовъ создалъ могущественное нѣмецкое государство—Австрію; потомъ заручившись дружбой Россіи, онъ объединилъ Германію.

Когда же Германія убѣдилась въ томъ, что колонистъ вѣрно служитъ пангерманизму въ необъятной Россіи, тогда она издаетъ законъ о двойномъ подданствѣ.

Желая отвлечь вниманіе Россіи отъ западнаго и южнаго славянства, нѣмецъ навязываетъ Россіи войну съ Японіей. А потомъ, сдѣлавшись достаточно сильнымъ для того, чтобы грабить, никого не боясь, нѣмецъ присоединяетъ въ своимъ владѣніямъ Боснію и Герцеговину, и, готовясь къ окончательному порабощенію словянства въ лицѣ Россіи, заключаетъ тайный договоръ съ Италіей, Румыніей и Турціей и послѣ разгрома послѣдней въ 1918 г., страну разбойниковъ, Албанію, онъ превращаетъ въ самостоятельное государство.

Вотъ схема того заколдованнаго круга нѣмецкой политики, сущность котораго разгадали русскіе дипломаты Извольскій и Сазоновъ.

Этотъ планъ внѣшняго порабощенія славянства германцами свидѣтельствуетъ о вѣковой ненависти вообще нѣмецкой націи къ славянству. И ненависть эта исходитъ изъ нищеты духа этой націи.

Напрасно нѣкоторые газетные интеллигенты въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати усиленно проводятъ мысль, что только Пруссія во главѣ съ Вильгельмомъ является единственной носительницей подлости, цинизма и звѣрства, проявляемаго нѣмцами въ настоящей борьбѣ, а нѣмецкая культура и нація не имѣютъ де ничего общаго съ этимъ!..

Вѣдь нѣмецкая литература, философія и даже представители нѣмецкой церкви, свидѣтельствуютъ о томъ, что человѣконенавистничество, жестокость, неразборчивость въ средствахъ для осуществленія пангерманизма и духъ милитаризма присущъ вообще нѣмецкой націи, а не только Пруссіи.

Вѣрнымъ зеркаломъ народнаго духа является поэзія.

Живой пульсъ народной поэзіи даетъ жизнь твореніямъ національныхъ геніевъ, она даетъ имъ духъ, вѣрными истолкователями котораго должны быть писатели художники. Сила и цѣнность проводимой въ поэзіи идеи заключается въ связываніи народнаго дѣла съ дѣломъ высшей правды. На этомъ и зиждется политическая мощь того или другого народа. Въ нѣмецкой же народной поэзіи нѣтъ нравственныхъ подвиговъ, нѣтъ понятія о высшей правдѣ.

Нѣмецкая „Пѣснь о Нибелунгахъ“, т. н. нѣмецкая иліада, воспѣваетъ преступленіе, жестокую месть и ненависть.

Въ древнемъ Вормсѣ на Рейнѣ живутъ бургундскіе короли Гунтеръ, Гернотъ Гизельгеръ, пекущіеся о своей матери Уте и своей сестрѣ Кримгильдѣ.

У нихъ знатнѣйшіе вассалы и витязи: Гагенъ Тронійскій, Фолькеръ и Данквартъ.

Въ Вормсъ пріѣзжаетъ Зигфридъ, сынъ правителя Нидерландовъ. Зигфридъ, увидѣвъ Кримгильду, полюбилъ ее и старается снискать ея руку отважными подвигами, которые онъ совершаетъ для ея брата Гунтера. Съ послѣднимъ онъ отправляется въ Изенландъ и хитростью доставляетъ ему въ жены королеву этой страны, Брунгильду.

Возвратившись въ Вормсъ, Зигфридъ женится на Кримгильдѣ. Но между послѣдней и ея невѣсткой возникаетъ пагубная вражда изъ-за превосходства ихъ мужей одного передъ другимъ.

Поэтому жестокій Гагенъ измѣнически убиваетъ Зигфрида на охотѣ. Кримгильда даетъ обѣтъ страшной мести. Для исполненія своего коварнаго замысла она выходитъ замужъ за венгерскаго правителя Эцеля.

И, спустя нѣкоторое время, она приглашаетъ въ Венгрію на празднества своихъ братьевъ королей и ихъ витязей. Бургундскіе властители, несмотря на предостереженіе Гагена, принимаютъ приглашеніе. Но какъ только они явились въ лагерь Эцеля, между ними и гуннами происходитъ жестокая битва, которая оканчивается гибелью всѣхъ бургундовъ. Оставшагося въ живыхъ Гагена Кримгильда обезглавливаетъ собственной рукой. А старый Гильденбрандтъ вынимаетъ свой мечъ и рубитъ царицу въ куски.

Таковъ сюжетъ „Пѣсни о Нибелунгахъ".

Герой древненѣмецкихъ народныхъ пѣсенъ получаетъ богатырскую силу отъ нечистыхъ духовъ.

Между тѣмъ, богатыри славянской расы—Илья Муромецъ и герой сербскихъ народныхъ пѣсенъ Марко Кралевичъ получаютъ богатырскую силу за сердечную доброту. „Тридцать три года Илья Муромецъ безропотно сидѣлъ убогимъ калѣкой и готовился къ грядущимъ подвигамъ на пользу русской земли (А. Н. Сиротининъ).

„Пришли къ нему нища братья
Самъ Іусъ Христосъ, Два Апостола",

и попросили у него пить, у него явилось сильное желаніе утолить жажду нищихъ, но не было силъ двинуться съ мѣста и онъ печально отвѣтилъ: „Нища братья, я безъ рукъ, безъ ногъ"!

И вотъ за одно желаніе помочь ближнимъ высшая правда награждаетъ Илью богатырской силой. Марко Кралевичъ, увидѣвъ однажды на солнечномъ припекѣ маленькую спящую дѣвочку, сжалился надъ ней и, сорвавъ вѣтку, защитилъ ее отъ жгучихъ солнечныхъ лучей. И въ награду за сердечную доброту горная вила-волшебница даетъ Марку пососать свою грудь и онъ „сталъ сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ".

Такая же идея, связывающая народное дѣло съ дѣломъ высшей правды, выражена въ поэтическомъ польскомъ преданіи о польскомъ королѣ-землепашцѣ Пястѣ. Это поэтическое преданіе говоритъ, что народъ, желая зи-

кромѣ преемника умирающему въ страшныхъ мученіяхъ бородою злодѣю Попелю, собрался на равнинахъ Крушвицы. Тамъ среди мирныхъ поселянъ жилъ добрый и гостепріимный Пястъ.

Однажды, когда онъ праздновалъ постриженины своего сына, къ нему явилось двоеюношей необычайной красоты.

Пястъ и жена его Ржепиха встрѣтили ихъ съ почтительнымъ поклономъ и угостили.

Когда пиръ кончился, юноши исчезли. Но къ вечеру они вновь предстали передъ Пястомъ въ видѣ ангеловъ съ бѣлоснѣжными крыльями и сказали ему: „Самъ Господь, жительствующій на небѣ, посылаетъ къ тебѣ своихъ ангеловъ съ повелѣніемъ взять на себя польскую корону".

И съ этими словами они стали невидимы, а Пястъ еще не успѣлъ оправиться отъ изумленія, какъ съ блескомъ утренней зари собрался къ нему цѣлыми толпами народъ и, провозгласивъ его съ радостнымъ окликомъ государемъ, ввелъ его въ королевскіе покои. (Galli chronicon, liber primus 1—3. Monumenta Poloniae historica. Wydał A. Bielowski, Lwów 1864, str. 395—497).

Германскій герой получаетъ благословеніе на борьбу съ невѣрными и еретиками, и даже славный рыцарь св. Грааля Парциваль въ поэмѣ благочестиваго Вольфрама фонъ Эшенбаха пишетъ: „Sei zur Demuth nicht vollig gut" (не сваходи къ смиреннымъ), а Ильѣ Муромцу говоритъ его отецъ, старый крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ:

„Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
А на худыя благословенья нѣтъ.
Пойдешь ты путемъ дорогой,
Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христьянина...

Марко Кралевичъ учитъ мать Іевросима говорить всегда правду, хотя бы это стоило ему жизни, ибо лучше, говоритъ она, погубить голову, нежели согрѣшить передъ Богомъ. Такимъ образомъ, несмотря на давнюю раздѣльность славянскихъ народовъ, мы видимъ, что идеалы ихъ идутъ по одному общему пути: шедевры народной поэзіи являются проявленіемъ одного и того же словянскаго духа, завѣщавшаго намъ служить высшей правдѣ и проявлять лю-

бовь къ Богу и человѣку.

Это путь, по которому неизмѣнно шла и идетъ художественная литература славянства народовъ.

Нѣмецкая же народная поэзія—проявленіе духа злобы, мести и ненависти къ другимъ народамъ.

Даже Гете говорилъ, что каждый нѣмецъ долженъ знать „Пѣснь о Нибелунгахъ“ и испытать на себѣ ея вліяніе.

И дѣйствительно, германцы глубоко проклинаютъ этимъ духомъ.

Нѣмецкіе писатели художники, несмотря на желаніе приспособляться въ своемъ творчествѣ къ гуманному направленію французской литературы, не могутъ проникнуться ея духомъ.

Плеяда Гердера, Гете и Шиллера, будучи продуктомъ французской освободительной литературы, явилась мимолетнымъ метеоромъ на небѣ юнкерской Германіи.

У остальныхъ нѣмецкихъ писателей мы видимъ только основную фальшъ безконечныхъ заигрываній съ гуманностью, правдой и свободой или восхваленіе грубой силы.

Основаніе этой фальши положено въ эпоху расцвѣта сентиментальнаго направленія въ западной литературѣ 18 вѣка. Такъ, поэтъ Глеймъ первый въ нѣмецкой литературѣ сталъ заигрывать съ любовью, дружбой и виномъ. Въ разгаръ второй Силезской войны, черезъ нѣсколько недѣль послѣ кровопролитнаго взятія чешской Праги, Глеймъ поетъ: „Вино и любовь украшаютъ героевъ; вино и любовь устанавливаютъ договоры; вино и любовь создаютъ миръ Хочешь-ли ты мира, о Германія? Вино и любовь могутъ его упрочить“.

Фальшъ очень прозрачна. Духъ нѣмецкой народной поэзіи выдержанъ; появились только новыя слова.

Лучшимъ выраженіемъ этого нѣмецкаго духа служатъ произведенія парадоксальнаго поэта философа Фридриха Ницше. Его „Сверхчеловѣкъ“ есть не что иное, какъ апоѳеозъ нѣмецкаго бѣлокураго звѣря юнкерской морали. Онъ видитъ какое то дикое удовольствіе въ подчеркиваніи животной стороны жизни, въ безпощадномъ возвеличиваніи силы надъ правомъ и въ ожесточенномъ презрѣніи къ христіанскимъ добродѣтелемъ кротости и вѣры (Куно Франко).

Одна современная нѣмецкая пѣсня говоритъ:

„Германія! Подними высоко свое знамя!
Вынь свой стальной мечъ:
Онъ твой Богъ и защитникъ;
Пусть въ твоей могучей рукѣ
Онъ сдѣлается Богомъ непослушныхъ тебѣ народовъ".

Извѣстный нѣмецкій философъ Гегель договорился до того, что „міровой духъ", или, иначе говоря, Божество, достигаетъ своего высшаго совершенства въ германской націи, а современная нѣмецкая пѣсня свидѣтельствуетъ, что этотъ „духъ" превратился въ стальной мечъ. Отсюда понятно утвержденіе представителей нѣмецкой церкви, что „міровой духъ" Гегеля, достигшій своего совершенства въ германской націи, неразрывно связанъ съ милитаризмомъ.

Такъ, профессоръ богословія Каттенбушъ произнесъ 12 іюля 1913 г. въ гальскомъ университетѣ рѣчь по случаю своего вступленія въ должность ректора на тему: „О патріотизмѣ и космополитизмѣ".

Привѣтствуя новой имперскій законъ о воинской повинности, профессоръ исповѣдуетъ непреложность древняго изреченія: „Если хочешь мира, готовь войну". Затѣмъ онъ призываетъ студентовъ поддержать славу оружія своихъ патріотически настроенныхъ предковъ (Theol. Studien. und Kritken", 1914, III).

Профессоръ богословія въ Килѣ І. Лейпольдъ выпустилъ въ 1913 г. книгу „Vom Iesusbilde der Gegenwart".

Въ главѣ „Достоевскій и Русскій Христосъ" профессоръ съ прискорбіемъ вспоминаетъ недавнее увлеченіе въ Германіи русской литературой и радуется, что къ настоящему времени оно прошло. Оно такъ и должно быть: кто добрый нѣмецъ, говоритъ профессоръ, долженъ пройти мимо Достоевскаго. Затѣмъ Лейпольдъ добавляетъ: „Теперь признано, особенно со времени русско-японской войны, что значеніе Россіи переоцѣнивалось и слишкомъ многаго ждали отъ ея поэтовъ".

Такимъ образомъ, по нѣмецкой логикѣ, поэзія неразрывно связана со стальнымъ мечомъ и его дѣйствіями, а если этого нѣтъ, поэзія ничтожна: она не способствовала побѣдѣ меча!

О томъ, что германская культура неразрывно связана съ милитаризмомъ, недавно во всеуслышаніе заявили нѣмецкіе ученые. Славяне, по мнѣнію германскихъ ученыхъ, это германскіе „египтяне“ или „германскіе индусы“.

Они, говоритъ Ширмахеръ, низшая раса.

Вѣдь, думаетъ этотъ нѣмецкій ученый, нѣмецкая культурная миссія въ Россіи выражается даже „въ сокровищницѣ русскаго языка и въ народныхъ пословицахъ“ (!!).

Въ 1915 г. нѣмецкій ученый Іенчъ пришелъ къ тому заключенію, что русскіе и вообще славяне чудовищная неповоротливая масса, которой не можетъ двигать никакая идея...

И въ своемъ теперешнемъ положеніи русскіе-недѣеспособны, да и денегъ не могутъ добыть для веденія войны.

Поэтому, продолжаетъ Іенчъ, слѣдуетъ немедленно отдѣлить отъ Россіи балтійскія губерніи, Финляндію, Малороссію, Литву и Польшу.

Затѣмъ нѣмецкіе хозяева должны скупить у обанкротившихся русскихъ дворянъ и крестьянъ землю по дешевой цѣнѣ и вести хозяйство при помощи дешевыхъ славянскихъ рабочихъ.

„Да иначе и быть не можетъ“, ибо еще великій нѣмецкій историкъ Момзенъ недавно сказалъ, что славянскіе головы созданы только для того, чтобы испытывать силу нѣмецкаго кулака.

Это перлы нѣмецкой науки, служившей и служащей вѣрно германскому кровавому мечу.

Таковъ духъ пангерманизма, такова изнанка мирнаго завоеванія Европы; говорю завоеванія, ибо иначе нельзя выразиться объ ея просвѣщенныхъ правительствахъ и народахъ, вѣрившихъ сказкамъ коварнаго германца о будто бы угрожающей Европѣ опасности со стороны славянства и не видѣвшихъ крѣпнувшаго звѣря въ человѣческой формѣ.

Но пока такой пангерманизмъ „мирно“ завоевалъ насъ и Европу, и „публика“ наша разыгрывала роль истолкователя „высокой нѣмецкой культуры“, немногочисленная русская интелигенція, русскій народъ и вообще славянство, не теряя вѣры въ торжество высшей правды, стремились къ нравственному усовершенствованію.

Вѣдь, какъ говоритъ Данилевскій: „главный потокъ всемірной исторіи начинается двумя источниками на берегахъ древняго Нила".

Одинъ небесный, божественнымъ черезъ Іерусалимъ и Царьградъ достигаетъ въ невозмущенной чистотѣ до Кіева и Москвы; другой земной, человѣческій, въ свою очередь, дробящійся на два русла — культуры и политики — течетъ мимо Аѳинъ, Александріи, Римъ въ страны Европы, временно изсякая, но опять пополняясь иными водами.

На русской же землѣ пробивается новый ключъ общественно-экономическаго устройства; и на обширныхъ равнинахъ славянства должны слиться всѣ эти потоки въ одинъ обширный водоемъ".

Такъ вѣрило и вѣритъ славянство, такъ чувствовали лучшіе представители христіанской культуры.

Въ концѣ 18 вѣка знаменитый итальянскій писатель Филанжіери писалъ: „Кажется, что владычество надъ Европой, бывшее по перемѣнно удѣломъ Испаніи, Франціи, а потомъ Англіи, переходитъ теперь въ руки русскихъ.

Мудрые законы доставляютъ имъ это первенство, и всѣ европейцы должны будутъ нѣкогда принимать законы отъ этой благоразумной націи" (Filangiert: Scienza della legistatione 1789). Какъ разъ послѣ опубликованія этого пророчества международный жандармъ съ нѣмецкой душой на русской службѣ, какимъ былъ извѣстный министръ иностранныхъ дѣлъ Карлъ Нессельроде, служа интересамъ пангерманизма, для того, чтобы Россія не выявила своей всечеловѣчной души, не давалъ ходу русскимъ людямъ изъ боязни, какъ выразился одинъ изъ храбрыхъ сподвижниковъ генерала Черняева по поводу отозванія послѣдняго изъ туркестанскаго края и назначенія на его мѣсто ничѣмъ неизвѣстнаго Розенбаха.

„Чтобъ Черняевъ въ увлеченьи
Не задалъ Европѣ страху,
Отдали мы предпочтенье
Николаю Розенбаху".

Въ сентябрѣ 1871 г. Эрнестъ Ренанъ писалъ нѣмецкому профессору Штраусу.

„Вы подняли знамя политики этнографической, вмѣсто знамени политики освободительной, и эта политика приведетъ васъ къ гибели.

Каждое укрѣпленіе германизма есть вмѣстѣ съ тѣмъ и укрѣпленіе славянства. Каждое движеніе ваше къ соединенію толкаетъ впередъ и освобождаетъ славянина.

Черезъ пятьдесятъ лѣтъ славянинъ будетъ знать, что это вы сдѣлали его названіе синонимомъ раба, и увидитъ, какъ ваша раса эксплоатировала его расу.

А такъ какъ славяне вдвое превышаютъ васъ числомъ, то славянинъ, подобно тому, какъ нѣкогда апокалипсическій змѣй смелъ хвостомъ третью часть звѣздъ, въ одинъ прекрасный день увлечетъ за собою Центральную Азію, древнихъ подданныхъ Чингисхановъ и Тамерлановъ.

Подумайте, какая тяжесть ляжетъ на вѣсы моря въ тотъ день, когда Чехія, Моравія, Хорватія, Славонія и другія славянскія народности, которымъ предстоитъ свобода, сгруппируются вокругъ огромнаго русскаго конгломерата, вобравшаго уже въ себя въ своемъ историческомъ шествіи столько различныхъ народовъ!

Россіи, очевидно, предназначено быть ядромъ этого будущаго единства, подобно тому, какъ невполнѣ греческая Македонія, нечисто итальянскій Пьемонтъ, нечисто нѣмецкая Пруссія стали центромъ греческаго, итальянскаго и нѣмецкаго единства.

Въ тотъ день, когда славяне одержатъ побѣду, мы будемъ имѣть большое значеніе, чѣмъ вы, подобно тому, какъ во времена римской имперіи Аѳины еще блистали, а спарта исчезла совсѣмъ".

Такъ думали о насъ прозорливые ученые, тогда какъ Европа угождала циничному германцу и позволяла ему издѣваться надъ христіянской нравственностью и правдой, позволяла ему усовершенствовать только ту сторону европейской культуры, которая оказалась наиболѣе подходящей для пролитія христіанской крови и разрушенія основъ нашей цивилизаціи.

Въ этомъ заключается тяжкій грѣхъ Европы.

Но настоящая борьба съ германизмомъ, безнравственность и неслыханныя дѣянія котораго нельзя изобразить

человѣческимъ словомъ, служить искупленіемъ старой грѣшницы.

Лучшіе представители христіанскаго запада— французы и англичане, убѣдились, что славянство „демократъ между семьями Европы, представитель, чисто человѣческаго начала, благословляющаго всякое племя на жизнь вольную и развитіе самобытно" (Хомякова).

Всеславянскій поэтъ Янъ Колларъ завѣщалъ намъ: „Когда позовутъ: „славянинъ", пусть откликнется человѣкъ".

Униженные и оскорбленные позвали насъ; и у насъ откликнулось все доброе, великое и гуманное.

Славянство-старый и вѣчно юный богатырь, благодаря которому западные народы, не боясь турокъ и монголовъ могли свободно заниматься наукой, самообразованіемъ, изобрѣтеніями и усовершенствовать общественное и государственное устройство, — возсталъ опять на защиту цивилизаціи и правды. Возсталъ, но уже не въ качествѣ только часового западной Европы, а какъ преобразователь и возрождающая сила, о которой сказалъ поэтъ:

„Твое все то, чѣмъ духъ святиться,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится".

Русскіе воины свято исполнятъ свой долгъ и доведутъ дѣло до конца: побѣдятъ германскую армію, освободятъ и призовутъ къ свободной жизни порабощенные славянскіе народы.

Эта наша побѣда на полѣ брани будетъ завершеніемъ высшей духовной славянской побѣды, составляющей смыслъ данной войны.

Но это будетъ побѣда русскаго народа — богоносца, „сѣраго мужика"; русская же интелигенція, блуждающая между публикою и народомъ, еще не приступила къ работѣ на пользу своего народа.

Она только что начинаетъ освобождаться отъ нѣмецкой духовной кабалы, унизительное холопское чувство преклоненія предъ нѣмцами только что начало стушевываться, но еще не исчезло.

Русской интелигенціи надо бороться съ внутренней Германіей, двѣсти лѣтъ руководившей русской внѣшней и

внутренней политикой, вліявшій на развитіе русской школы, на промышленность и пр.

Нужно бороться съ продажнымъ потомствомъ Бирона Дуббельта, Бенкендорфа, Нессельроде... съ многочисленными гоголевскими Шиллерами, Гофманами, не забывающими своей Нюренбергской родины и швабскаго короля, съ тѣми, о которыхъ народъ говоритъ: „сытъ, пьянъ и носъ въ табакѣ“.

Авось „великая буря, къ завыванію которой съ ужасомъ прислушиваются племена, еще не вовлеченныя въ хаосъ событій, очиститъ воздухъ и на болотахъ и отрезвитъ умы, одурманенные изысканными ядами безнародной псевдокультуры“ (А. А. Громовъ). Вмѣстѣ съ нѣмецкимъ засильемъ исчезнутъ и тупоумные г. г. Смердяковы, боящіеся пробужденія русскаго національнаго самосознанія и живущіе идеалами полицейскаго надзора за народнымъ „самочувствіемъ“. Измѣнятся взгляды на казну, какъ на народное достояніе; исчезнутъ оскорбительныя для славянина выраженія: „Это—казенное—можно; „не тронь меня; я не казенный...“ И въ полуинтеллигентномъ обществѣ выраженіе „мужикъ“ не будетъ браннымъ словомъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

52.

Складъ изданія
У ИЗДАТЕЛЯ
Ф. Н. Конаржевскаго
г. МИНСКЪ губ.
2 Комоменская, д. № 4.

Цѣна 30 коп.